

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	4
<i>Пролог</i>	5

ЧАСТЬ I

Совет № 1. О плохих новостях	11
1. ВЕСТНИК	12
Совет № 2. О том, как делиться плохими новостями	29
2. КАБИНЕТ ОТЦА	30
Совет № 3. О рукопожатиях	39
3. ЛОВИ МОМЕНТ	41
Совет № 4. О курении	47
4. КТО НЕ РИСКУЕТ...	48
Совет № 5. Об интимном освещении	61
5. ЖИЗНЬ В ЦВЕТЕ	62
Совет № 6. О накладных ресницах	75
6. ТОЛЬКО НЕ ХНЫКАТЬ	76
Совет № 7. О любви	89
7. ДО СЕРДЦА ПУТЬ ДЛИННЕЕ	90
Совет № 8. О вождении	99
8. КАЛИФОРНИЙСКАЯ МЕЧТА	100
Совет № 9. О вечеринках у бассейна	109
9. АД НА КОЛЕСАХ	110

ЧАСТЬ II

Совет № 10. О тяготах беременности	129
10. ДЕНЬ БЛАГОДАРЕНИЯ	131
Совет № 11. Об уходе за детьми	147
11. ПЕРВЫЕ ШАГИ	149
Совет № 12. О дерьме	165
12. РОДИНА-МАТЬ	167
Совет № 13. О том, когда сообщить ребенку о своей болезни	181
13. МАТЕРИНСТВО ПО ПЛАНУ	182
Совет № 14. О пешех прогулках	193
14. ДОБРЫЙ ДОКТОР	195
Совет № 15. О том, как уследить за ребенком, начинающим ходить	203
15. ХОРОШАЯ МАМОЧКА	204

ЧАСТЬ III

Совет № 16. О необходимости смириться со своей слепотой	223
16. РАСПЛАТА	224
Совет № 17. Об уборке в доме	237
17. СКЕЛЕТ В ШКАФУ	238
Совет № 18. О стеклянных дверях	255
18. РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ	257
Совет № 19. О чтении	271
19. ОТКАЗ	273
Совет № 20. О том, как переходить улицу	283
20. ЧУДО	285
<i>Эпилог</i>	294
<i>Слова благодарности</i>	299

ОТ АВТОРА

Чтобы защитить невинных — и виноватых, — имена и характерные черты людей, описываемых в этой книге, были изменены. Чтобы не превратить книгу в невыносимо скучный тысячестраничный фолиант, некоторые события были реорганизованы, скомбинированы и уплотнены.

Отчасти я сверялась с дневниками, письмами и живыми свидетелями описываемых событий, однако большей частью эта книга основывается на моих воспоминаниях, свалявшихся в моей голове в грязный ком. Время подпортило их и окрасило в разные краски. Наверняка другие люди могут вспоминать те же самые события несколько иначе. Если это так и вы действительно вспоминаете описываемые здесь события по-другому, я приглашаю вас написать свои собственные мемуары. Только, пожалуйста, измените мое имя и, если можно, сделайте меня рыжеволосой.

Лучше зажечь свечу, чем проклинать тьму.

Старинная пословица

ПРОЛОГ

В моей маскировке чего-то не доставало.

— Я почти готова, — сказала я черноволосой Эсперансе, стоявшей рядом со мной. — Еще минутку.

Я уже натянула на голову черную вязаную шапочку с надписью большими буквами BROOKLYN, опустив ее почти на самые глаза, застегнула под самое горло бабушкино пальто цвета дерьма и длиной до самых лодыжек и подняла капюшон. Теперь видны только туфли — и лицо.

Солнцезащитные очки — вот что я забыла.

Я выудила очки из кармана пальто — сногсшибательные Prada, которые купила у уличного торговца на Асторплейс, — и нацепила их на уши. Они были огромные, черные, гламурные — настоящая Джеки О, но я чувствовала себя скорее Стиви Уандером.

— Ни черта в них не вижу, — пожаловалась я.

— Так снимите их, — бесстрастно предложила Эсперанса, которую, казалось, совершенно не трогали ни мой прикид, ни моя речь, ни мое поведение капризного ребенка. — Вам они совершенно не нужны.

Это не так. Да, она права в том, что для защиты от солнца очки мне не нужны, потому что дело происходит в пасмурный мартовский день. И для того, чтобы уберечь окружающих от лицезрения моих глаз, в них тоже не было нужды, потому что внешне они ничем особенным не выделялись. Совершенно нормальные глаза, по цвету смесь умбры и оливы, с желтыми крапинками. И все-таки я отчаянно нуждалась в этих очках.

— Не хочу, чтобы меня узнали, если мы вдруг наткнемся на кого-то из знакомых, — пояснила я.

— Не думаю, что риск велик, — рассмеялась Эсперанса. — С тех пор как мы пересекли Третью авеню, нам еще ни одна живая душа не встретилась.

Эсперанса зашла за мной в мою квартиру, которую я снимала на тихой, густо обсаженной деревьями бруклинской улочке, рассчитывая, я полагаю, что мы займемся нашим делом прямо там же, на бульваре. Но ей пришлось четверть часа тащиться за мной вниз, сюда, к безлюдной набережной канала Гованус, подальше от особняков Парк-Слоуп, где жили мои знакомые, подальше от игровых площадок, куда я приводила своих детей.

И вот мы стоим на разбитой набережной среди брошенных складов, гор мусора и вони. Проходят минуты, прежде чем мимо проедет очередная машина. Отличное местечко, если замыслишь кого-нибудь пристрелить.

— Вы здесь хотите заниматься? — спросила Эсперанса, приподняв брови.

— Да, идеальное место, — ответила я.

Затем она спросила, готова ли я. По большому счету, я совсем не готова, но делать нечего. Скрыв свою личность под шапкой, очками и капюшоном, я покопалась в своей сумке среди собачьих крекеров, сломанных карандашей и влажных салфеток и достала оттуда пакет, который перед этим получила от Эсперансы. Это был скруток, размером и формой напоминающий микрофон, разве что весит поменьше, и состоящий из пяти сверхлегких алюминиевых трубок, связанных черной резиновой лентой. Я крепко сжимаю эти трубки в руке, словно боюсь, что они вот-вот оживут и набросятся на меня.

Я все еще не готова. Но тянуть дальше бессмысленно.

Я и так слишком долго оттягивала этот момент. Не только эти полчаса, прошедшие с тех пор, как Эсперанса зашла за мной. Я оттягивала его с девятнадцатилетнего возраста. Арсенал приемов, с помощью которых пыталась предотвратить неизбежное, был достаточно велик: это и

секс, и драма, а потом и дети пошли. Я долго пыталась отрицать происходящее, а когда обманывать себя стало уже невозможно, то прикладывала все усилия к тому, чтобы продолжать обманывать других.

Но с тех пор прошло двенадцать лет и дальше тянуть уже некуда. И вот рядом со мной стоит Эсперанса, посланная ко мне из комиссии по делам слепых штата Нью-Йорк, чтобы научить меня пользоваться тростью.

Я не была уверена, что в этом деле нужна какая-то формальная учеба. Казалось бы, чему тут учиться? Бери палку и размахивай ею перед собой. Если палка во что-то упирается, туда не иди, если проваливается — туда тоже не иди.

— Знаете, мне это не нужно, — сказала я Эсперансе, продолжая сжимать в руке сложенную трость. — Я прекрасно обхожусь без этого.

— Я знаю, — уверила она меня. — Но трость пригодится вам в вечернее время или когда вокруг многолюдно, то есть когда вы хуже всего видите, что происходит вокруг. Кроме того...

Она сделала паузу, после чего продолжила более тихим и мягким голосом:

— Многие находят, что учиться пользоваться тростью намного удобнее, пока еще что-то видишь.

Как ни старалась Эсперанса подсластить мягкой интонацией эту горькую пилюлю, дерьмовый привкус никуда не делся. Мне очень хотелось выплюнуть это мерзкое лекарство, просто швырнуть трость в канал и убежать прочь. Но последние десять лет я только и делала что убежала, и этот метод больше не работал. От диагноза не убежишь.

«Ради детей», — напомнила я себе. Тщеславие, гордость, страх — противники достойные, но родительский долг сильнее. Я стянула резинку с трости, и она мгновенно развернулась во всю длину, сложившись из частей словно по волшебству. Я сняла солнцезащитные очки, чтобы присмотреться. Если не считать черной рукоятки и

красного наконечника, трость была девственно белая, без малейшей крапинки грязи. Впрочем, я уже много лет не способна различать крапинки грязи, так что откуда мне знать?

Я снова опустила очки на глаза. Трость сразу потемнела, как и весь окружающий мир.

— Может и хорошо, что в очках я почти ничего не вижу, — сказала я Эсперансе. — В них я выгляжу более аутентичной, правда? Настоящей слепой.

Эсперанса ничего не ответила, но я смогла разглядеть, как ее губы вытянулись в вежливую улыбку, сказавшую обо всем красноречивее любых слов.

Ты и есть настоящая слепая. Лишь притворяешься зрячей.

ЧАСТЬ I

СОВЕТЫ ДЛЯ (ТАЙНЫХ) СЛЕПЫХ

Совет № 1. О плохих новостях

Не обманывайте себя, думая, что молодость, оптимизм или кружевное нижнее белье уберегут вас от плохих новостей. Все эти вещи — лишь гарантия того, что плохие новости окажутся для вас чертовски неприятным сюрпризом.

1. ВЕСТНИК

«Черт знает что!» — подумала я, в раздражении захлопнув «Сто лет одиночества». Читать не получалось. Я почти час просидела в прекрасно обставленной приемной, прежде чем врач назвал мое имя, после чего он капнул что-то мне в глаза и велел снова сидеть ждать, пока капли возымеют действие. С тех пор прошло еще полчаса — во всяком случае, по моим ощущениям. Под действием капель зрачки расширились, поэтому я не могла разобрать ни цифры на часах, ни текст в книге. Мне оставалось лишь сидеть и злиться.

Я просто попусту тратила огромную массу времени. С моим зрением нет никаких проблем, если не считать близорукости. Мой офтальмолог, доктор Ли, направила меня сюда, «чтобы просто подстраховаться». Тогда это показалось неплохой идеей, но она перестала мне нравиться после того, как я лучшую часть летнего времени просидела в приемной.

Впрочем, не то чтобы меня ждали какие-то другие дела. Я только недавно вернулась в Нью-Йорк на летние каникулы, закончив второй курс колледжа. Делать мне было совершенно нечего, пока через несколько дней не начнется театральный фестиваль в Уильямстауне, где я собиралась поучиться актерскому мастерству. Последние несколько дней я шаталась по городу, спала допоздна на своей детской кровати, встречалась со старыми друзьями и занималась всякими малоприятными делами вроде посещения врачей. Ну еще и плакала вдоволь.